

Marzena Kozyra

DOI: 10.31648/apr.4464

Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-0380-8956>

marzenakozyra657@wp.pl

Экзотизмы как особенная категория заимствований

За последние десятилетия во многих автохтонных языках наблюдается значительное увеличение количества заимствованных слов, а также повышение интенсивности их употребления. Данная обстановка объясняется многими внеязыковыми факторами, а главным образом, усилением международных контактов в области политики, экономики, культуры и др., чему, несомненно, способствуют технический прогресс и распространение электронных средств массовой информации. Однако немаловажную роль с точки зрения заимствования иноязычной лексики играют глобалистские процессы, влекущие за собой распространение похожих стереотипов социального поведения, речевых норм, ценностей, образцов мышления. Процессы культурной глобализации, которые, по словам Магдалены Грала-Ковальской:

niwelują bariery kulturowe pomiędzy społecznościami; eliminują braki w wiedzy kulturowej; prowadzą do powstania wspólnot ponadnarodowych i ponadkulturowych; zwiększają naszą świadomość *świata jako pewnej całości* oraz przyzwyczajają nas do kontaktu z elementami obcych kultur,

находят своё отражение в языке, усугубляют процесс взаимопроникновения языков, а кроме того, оказывают влияние на формирование так называемого интернационального лексического фонда [Grala-Kowalska 2009, 157–158]. Причём в данном месте стоит упомянуть о том, что введение иноязычия в лексическую систему данного языка, а также активизация его употребления происходит и за счёт переводческой деятельности. Ведь нередко случается, что определённая заимствованная языковая инновация, появляющаяся во многих переводных текстах, наконец выходит за пределы литературных произведений и входит в речевой обиход, ассимилируется заимствующим языком и начинает восприниматься как факт этого языка. Видимо, лексический пласт языка является наиболее неустойчивым и очень быстро реагирует на всякие изменения, связанные с экстралингвистической действительностью, в связи

с чем заимствование языком новых слов и выражений предстаёт как закономерное следствие социально-культурных перемен в жизни данного общества.

Имея в виду рассмотренные выше явления, мы сочли существенным приблизить специфические черты особого пласта заимствований, которым, несомненно, являются экзотизмы. Описание же экзотических лексем проводится посредством выявления их места на фоне остальных категорий заимствованных слов, определения их положения в системе принимающего языка и сфер их применения, а также установления выполняемых ими функций в речи. Кроме того, должно внимание уделяется проблеме соотношения экзотизмов со словами-реалиями, их внутренней дифференциации, а также процессу деэкзотизации языка, предполагающего утрату экзотической лексикой этнокультурного компонента лексического значения. Преследуя же намеченную цель, мы решили начать наши рассуждения с краткой характеристики процесса лексического заимствования и его последствий.

Так, факт проникновения заимствований в автохтонный язык оценивается исследователями по-разному. Некоторые учёные усматривают в этом процессе возможность пополнения словарного состава языка новыми лексемами, которые зачастую признаются социально значимыми, престижными. Значит, обогащение лексического фонда родного языка посредством наплыва иноязычных слов и словосочетаний расширяет имеющийся в распоряжении рядового носителя языка арсенал языковых средств, предоставляет новые способы воплощения им ментального содержания. Однако, в соответствии с другими трактовками, введение огромного количества заимствований в систему автохтонного языка, их постоянное присутствие в речевой практике должно восприниматься в качестве *засорения* родного языка. Более того, имея в виду тот факт, что довольно часто языком усвоены лишь некоторые компоненты семантической структуры иноязычного заимствования, трудно не признать правоту Владимира Алексеевича Козырева и Валентины Даниловны Черняк в том, что:

когда чрезмерное употребление иноязычной лексики начинает приобретать массовый характер, семантическая закрытость многих новых заимствований значительно осложняет коммуникативный акт, нарушает качества речи и во многом влияет на снижение эффективности общения [Козырев, Черняк 2007, 58].

Заявленная нами проблема определения места экзотизмов на фоне других форм лексических заимствований, непременно требует предварительного точного указания непосредственных причин принятия иноязычных лексем в систему данного языка, а также изложения типологии заимствованных

элементов, опирающейся на степень их освоенности. Итак, Елена Валерьевна Клементьева, освещая протекание процесса адаптации иноязычия в русском языке, указывает на такие важные причины лексических заимствований, как: потребность в номинации новой реалии, которая появляется в жизни социума; необходимость наименования понятия или явления, которые известны членам данного общества, но присутствие которых замалчивалось; возможность замены словосочетания одним словом – как следствие стремления к экономии языковых средств; необходимость обозначения при помощи новой лексики объекта, социальная роль которого в какой-то степени изменилась в связи с изменившимися условиями общественной жизни; потребность в номинации понятий, наличие которых обусловлено иностранодным воздействием в области культуры, науки и техники [Клементьева 2014, 260]. К приведённому списку, на наш взгляд, следовало бы причислить также необходимость дифференциации значений семантически близких лексем, т.е. необходимость наименования (может быть, иногда не вполне) новой реалии или понятия при помощи новой языковой единицы, которая указывала бы на их более узкое, более конкретное значение, а также социальную престижность заимствованного слова в данный исторический момент.

Что же касается типологии иноязычных слов, в основе которой лежит признак степени их адаптации к системе принимающего языка, чёткое деление заимствований проводится Еленой Борисовной Нарочной и Галиной Васильевной Шевцовой. Согласно установкам указанных исследовательниц, все иноязычные лексические единицы подразделяются на:

- полностью ассимилированные заимствования, вошедшие в лексическое ядро наивного языка, которые представляют собой общеупотребительные, стилистически нейтральные слова,
- частично ассимилированные заимствования, зарегистрированы толковыми словарями литературного языка и представляющие собой «профессиональные, стилистические или эмоциональные маркеры»,
- неассимилированные заимствования, которые подчиняются некоторым нормам воспринимающего языка, занимают периферийное положение в его лексическом составе и для которых характерна относительная регулярность употребления, связана с стилистическим регистром речи, присущим данному высказыванию,
- иностранные слова, словосочетания и аббревиатуры, не будучие фактами принимающего языка, находящиеся за его пределами, т.е. не включённые в его словарный запас, употребление которых вызвано привлекательностью их экзотической формы и языковой модой [Нарочная, Шевцова 2009, 88].

Учитывая всё вышесказанное, мы можем констатировать, что экзотические лексические единицы, заимствуемые данным языком, чаще всего имеют целью обозначать новые, доселе неизвестные носителям этого языка, предметы, явления и понятия. Другими словами, экзотизмы в большинстве случаев пополняют лексикон конкретного автохтонного языка вследствие использования их номинативной функции. Хотя эта лексическая группа может также служить целям дифференциации смыслового содержания близких по значению слов или проникать в лексическую систему языка в связи с широким влиянием иностранной культуры, техники и науки, что, конечно, также обусловлено необходимостью наименовать новые реалии. Рассматривая же уровень ассимиляции, приспособления к нормам и узусу принимающего языка, мы предлагаем отождествлять экзотическую лексику с неассимилированными заимствованиями, поскольку экзотизмы занимают маргинальное положение в системе литературного языка. Как отмечает Людмила Григорьевна Самотик, экзотические языковые единицы, как правило, являются частью пассивного словаря языка-реципиента. Они понимаются носителями языка в тексте, однако не используются в активной речи, не входят в речевой обиход (за исключением выделяемых учёной так называемых внелитературных экзотизмов, о которых пойдёт речь в дальнейшей части настоящей статьи) [Самотик 2011, 189]. Стоит, однако, подчеркнуть, что в соответствии с изложенной трактовкой неассимилированных заимствований этой лексической группе свойственна относительная регулярность употребления. Многие исследователи утверждают, что в отношении экзотических лексем, как раз наоборот, нельзя говорить о некоей повторяемости, а тем более о регулярности употребления. Мы, разделяя представленную точку зрения, исходим из того, что данный признак не применяется ко всем экзотизмам, а только к тем, которые выступают в качестве терминов, обслуживающих конкретную область науки.

Примечательно, что по некоторым научным концепциям экзотическая лексика вообще не отождествляется с заимствованным иноязычием. Такой подход в исследовании экзотизмов замечается в лингвистических работах, возникших на более ранних стадиях развития науки о языке и о взаимодействии языков. Итак, согласно трактовке Леонида Петровича Крысина, все иноязычные слова и словосочетания должны разделяться на: полностью освоенные языком-реципиентом заимствования, неосвоенные или не вполне освоенные экзотизмы и иноязычные вкрапления (варваризмы), ещё сохраняющие способ написания при помощи иноязычной графической системы [Крысин 1968, 43–44]. Как получается, такой способ толкования явно противопоставляет

понятие *экзотизм* понятию *заимствование*. В более современных научных трудах указанная интерпретация экзотических лексем обнаруживается у Ирины Сергеевны Воронковой. Исследователь, аналогично, центральным понятием при описании особенностей процессов перемещения слов из одного языка в другой признаёт иноязычную лексику, в рамках которой выделяет ассимилированные принимающим языком заимствования и всё время в определённой степени чуждые его системе экзотизмы [Воронкова 2006, 78]. Однако, несмотря на приведённые примеры, в настоящем значительное большинство учёных, освещающих различные языковедческие или переводоведческие вопросы, под экзотизмами подразумевает один из разрядов заимствованной лексики (напр. М.А. Кузина, Г.М. Валеева, О. Кальнова, Л.Г. Самотик, С.А. Эзериня и др.), что находит применение и в рамках настоящей статьи.

Целесообразным, на наш взгляд, представляется привести хотя бы некоторые способы интерпретации экзотической лексики, даваемые учёными. Тем более, что характеристика экзотических номинаций не является на сегодняшний момент системно разработанной, а денотативное значение изучаемых языковых средств, связанное с выделением подгрупп экзотических номинаций, в разных научных концепциях варьируется. Кстати, на страницах польскоязычных научных трудов и лексикографических изданий использование термина *экзотизм* или *экзотическая лексика* замечается очень редко, в силу чего мы вынуждены опереться на русскоязычные источники.

В *Толковом переводческом словаре*, составленном Львом Львовичем Нелюбиным, даётся следующее определение экзотизмов: «Экзотическая лексика – слова и выражения, заимствованные из других, часто малоизвестных языков и употребляемые для придания речи особого (местного) колорита» [Толковый переводоведческий словарь... 2003, 255]. Подобная интерпретация этого разряда заимствованной лексики наблюдается также в рассуждениях Гульназ Мударисовны Валеевой, по словам которой:

Экзотизмы – это слова и выражения, заимствованные из других языков, употребляемые для придания речи особого (местного) колорита и передачи особенностей лингвокультуры и ментальности другого народа [Валеева 2010, 116–117].

Причём исследователь проясняет, что экзотическая лексика используется с целью выразить специфические особенности быта, образа жизни, нравов или менталитета данного лингво-культурного коллектива. Такую же точку зрения отстаивает и Светлана Аркадьевна Эзериня, которая воспринимает экзотизмы в качестве «слов, заимствованных из иностранного языка, обозначающих реалии другой страны или иного культурного сообщества»,

«служащих целям воссоздания национального колорита прежде всего в текстах художественных произведений» [Эзериня 2010, 69–70]. Культурный аспект экзотической лексики акцентируется также в способе её толкования, предложенном Мариной Анатольевной Кузиной, по которому экзотизм – это: «слово иноязычного происхождения, обозначающее реалию чужой культуры, то есть такую реалию, которая отсутствует (или отсутствовала) в культуре языка-реципиента» [Кузина 2017, 399]. Кроме того, исследовательница, как и вышепротитированные учёные, главную функцию экзотических номинаций усматривает в воссоздании ими местного или национального колорита, прежде всего на страницах художественных текстов, и в воспроизведении образа инациональной речевой среды. Не иначе обстоит дело с дефиницией, составленной Ириной Сергеевной Алексеевой, в соответствии с которой: «Экзотизмами или словами-реалиями принято называть такие лексемы в языке, которые обозначают реалии быта и общественной жизни, специфичные для какого-либо народа, страны или местности» [Алексеева 2004, 181].

Сделанный необширный обзор убедительно доказывает, что все трактовки понятия *экзотизм* подчёркивают его национально-культурную маркированность. Другими словами, они выявляют теснейшую связь, существующую между экзотическими лексемами и определёнными культурными компонентами, элементами экстралингвистической действительности, чуждой носителям заимствующего языка. Стало быть, в качестве главного признака экзотизмов признаётся их номинативная функция, обсуждаемая в предыдущей части настоящей статьи, т.е. способность экзотизмов обозначать новые предметы, явления, понятия, словом – новые культурные реалии, обеспечивающая возможность воссоздать национальный (или местный) колорит определённого региона. Экзотическая лексика напрямую отсылает участников коммуникативного акта к той культуре, которую представляет, так как является *языковым воплощением* реалий неизвестной культурной среды. Поэтому, как мы полагаем, она должна рассматриваться не столько в лингвистическом, сколько в лингвокультурологическом ракурсе. При этом стоит отметить, что взаимосвязь языковых единиц и культуры является неопровержимой аксиомой, она издавна выявлялась в ходе лингвистических и переводоведческих исследований. Земфира Тохидовна Азизова, называя языковую систему зеркалом народной культуры, народной психологии и философии, а также (в некоторых обстоятельствах) единственным источником истории народа и его духа, приходит к выводу, что национальное своеобразие языковых средств ярче всего проявляется на лексическом уровне языка. Лексика, по мнению исследователя, отображает сложившийся в данный исторический

период комплекс вещей и понятий, существенных с точки зрения членов данного социума. Таким образом, все слова: «являются национальными ориентирами, носят экзотический характер, отражают в своей семантике своеобразие культурно-исторического опыта народа» [Азизова 2015, 166]. Указанное свойство, как можно предполагать, с особенной силой проявляется именно посредством такого лексического разряда слов с явно выраженным культурно маркированным значением, как экзотизмы.

В подтверждение справедливости упомянутых суждений нами приводится несколько наиболее ярких примеров экзотизмов, почерпнутых из переводного, русскоязычного варианта репортажа Рышарда Капуцинского под заглавием *Император*. Как замечается, все компоненты иллюстративного материала неразрывно связаны с особенностями неизвестного вторичным читателям эфиопского быта, они *погружены* в иную, экзотическую культурную среду:

- 1) (...) вспыхнуло безумство **«фйтэши»**, позже разросшееся до умопомрачительных размеров. Жертвами его сделались все мы – живые люди, независимо от цвета кожи, возраста, пола и положения. **«Фытеша»** – амхарское слово, означающее обыск [И, 4].
- 2) Наконец, путём декрета отменяет метод выявления преступников, именуемый у нас **«лебашай»**. Чародеи поили мальчиков тайным зельем, и те, одурманённые, обалделые, ведомые сверхъестественной силой, входили в чей-нибудь дом и указывали преступника [И, 8].
- 3) Сохраняет публичное наказание розгами, но осуждает метод **аферсаты**. Если где-то совершалось преступление, силы порядка окружали деревню или местечко и блокировали её до тех пор, пока кто-нибудь не называл виновника [И, 9].
- 4) (...) как гардеробщик имперского суда, набрасывал на плечи достопочтённого господина чёрную, достигавшую земли тогу, в которой монарх начинал продолжавшееся до часу дня заседание Верховного, а значит, и окончательного суда; по нашему **«чилот»** [И, 9].
- 5) Скажем, есть, однако, листочек, но на нём по поручению достопочтённого господина министр пера начертал: **фэтэна быыр**, что означает: «проба пера». То есть господин наш счёл донос упражнением юного сотрудника Мэконнына, ещё не научившегося, когда и на кого следует доносить [И, 11].

Опять заостряя внимание на последней среди вышеприведённых трактовке экзотических лексем, данной И.С. Алексеевой, необходимо подчеркнуть, что этот исследователь использует термин *слово-реалия* в качестве синонима термина *экзотизм*. Ознакомление как с отечественными, так и с зарубежными научными работами лингвистов и теоретиков перевода показывает,

что такое суждение не является единичным. Между прочим, возможно, этим и должно объясняться почти полное отсутствие термина *экзотическая лексика* в польском научном дискурсе. Итак, некоторые исследователи придерживаются мнения, по которому семантические объёмы обоих понятий полностью совпадают, другие же исходят из того, что только частично пересекаются. В плане наших исследований более вероятной считается вторая тенденция. Следовательно, наша позиция относительно экзотизмов выражается в том, что мы однозначно признаём слова-реалии (именуемые также названиями\ номинациями реалий или культурно значимыми компонентами) понятием гиперонимическим применительно к экзотизмам. Трудно миновать тот факт, что обозначать культурные реалии могут не только экзотизмы, но и варваризмы, перифразы, имена собственные (также иногда причисляемые к категории наименований реалий) и др. Теперь небезынтересно привести общепризнанную трактовку слов-реалий, авторами которой являются Сергей Иванов Влахов и Сидер Флорин:

В нашем понимании это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и\ или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а следовательно, не поддаются переводу *на общих основаниях*, требуя особого подхода [Влахов, Флорин 1980, 47].

Все составляющие процитированной дефиниции, выявляющей суть слов-реалий, в равной мере относятся и к экзотизмам-лексемам, которые, согласно нашим установкам, изображают собою реализацию одного из методов обозначения культурных реалий. Хотя важно упомянуть и то обстоятельство, что новейшие научные концепции, изучающие экзотическую лексику в переводоведческом плане, иногда сужают семантический объём термина *слово-реалия*, включая в определение наименований реалий категорию *культуры исходного текста и культуры переводного текста* [см. Lewicki 2017, 230–232; Nejwowski 2006, 71–72]. Серьёзные расхождения в выдвигаемых научных тезисах касаются также внутренней дифференциации лексических групп, объединяемых термином *слова-реалии*, т.е. оправданности причисления данных лексических средств к наименованиям реалий и вопроса о их фактической безэквивалентности.

В данном месте стоит отметить, что по поводу слов-реалий высказывался также основоположник польского переводоведения, Ольгерд Войтасевич.

В своём научном труде, опубликованном ещё в 1957 году, учёный констатирует, что основные переводческие трудности в значительно высшей степени вызваны расхождениями в культурных традициях, чем несовпадением структурных средств исходного и переводящего языков. Суждение, по которому главным источником полной или частичной непереводимости выступают (именуемые *техническими терминами* и эрудиционными аллюзиями) названия реалий, позволяет исследователю выдвинуть тезис о том, что с временем острота этой проблемы должна снижаться. Благодаря постоянному техническому прогрессу, в том числе – развитию средств массовой информации, многие слова-реалии должны становиться общеизвестными (вследствие языкового заимствования), а сведения, связанные с историей и культурой конкретной страны, должны становиться общедоступными. Значит, О. Войтасевич будто предвидел современные глобалистские процессы, влекущие за собой изменения и на лексическом уровне языков, о которых упоминалось в начале настоящей статьи [Wojtasiewicz 2007, 94–95].

Кроме того, исследователь ещё во время зарождения науки о переводе обращает внимание на то, что слова-реалии (следовательно, также экзотизмы) могут служить средством обозначения национальной специфичности компонентов как материальной, так и духовной культуры, т.е. они способны определять как денотативные, так и коннотативные культурные реалии. Свидетельствует о том выделение им *технических терминов* и эрудиционных аллюзий. Проблема перевода первых, по мнению учёного, заключается в том, что обозначаемый словом-реалией объект остаётся неизвестным для вторичных читателей, т.е. его наименование (переданное, в силу отсутствия лексических соответствий, в оригинальном виде или при помощи транскрипции, когда применяется экзотизм) не вызывает в сознании читателей перевода необходимых ассоциаций. Обстановка изменяется, когда определённым народом заимствуется сам денотат экзотического названия. Однако тогда слово-реалия начинает употребляться в культурно немаркированном значении, оно лишается своей *экзотичности*. Второй источник непереводимости – эрудиционные аллюзии становятся с переводческой точки зрения неразрешимой проблемой в силу того, что их осмысление требует знакомства культурных и исторических фактов конкретного этноса. В случае носителей переводящего языка, у которых часто отсутствуют широкие знания в области особенностей социально-культурной жизни носителей исконного языка, эрудиционные аллюзии нередко остаются непонятными [Wojtasiewicz 2007, 61–73, 81–82].

Следует добавить, что вопрос перевода слов-реалий рассматривался также Доротой Урбанек. Исследовательница, воспринимая экзотические наименования реалий как одну из категорий носителей коннотации чужости, которые появляются в рамках переводных текстов, подчёркивает, что такие лексемы не обязательно соотносятся с культурой исходного текста. Таким образом, наименования реалий могут воплощать специфичность и, так называемой, *третьей культуры*. Причём важно пояснить, что под компонентами *третьей культуры* исследовательницей подразумеваются: «wszystkie te elementy tekstu oryginału i/lub przekładu, które są obce zarówno językowi i kulturze oryginału, jak i językowi i kulturze przekładu» [Urbanek 2004, 160].

Существенно, что, согласно установкам Д. Урбанек, наименования культурных реалий (часто воплощённые в языке посредством экзотизмов) требуют при переводе особенной внимательности и осторожности со стороны переводчика. Иногда они выполняют в пространстве художественного произведения столь важную роль, что неправильно избранный переводческий приём может заметным образом сказаться на совсем иной его интерпретации читателями перевода. Другими словами, указанное обстоятельство может повлечь за собой принятие вторичными читателями совсем другой иерархии сюжетных линий в данном тексте, отличительной по сравнению с той, которую предусматривал автор исходной версии произведения [Urbanek 2004, 167–173, 184].

В плане же характеристики слов-экзотизмов нам представляется существенным осветить и вопрос выявляемых учёными сфер использования экзотической лексики, а также её внутренней неоднородности. Необходимо начать с того, что, имея в виду экзотизмы, составляющие периферию словарного запаса данного литературного языка, чаще всего выявляются три основные сферы их применения, связанные с рассмотренной выше функцией придания высказыванию национального колорита и передачи специфики лингвокультуры определённого этноса. Итак, экзотизмы активно употребляются на страницах художественных текстов, в публицистической литературе и в научных текстах, в которых, в подавляющем большинстве случаев, носят характер терминов. Однако стоит отметить, что Л.Г. Самотик постулирует чёткое разделение полного набора экзотических лексических средств на единицы общелитературного языка и внелитературные экзотизмы, в составе которых различает, в частности, экзотизмы-жаргонизмы и экзотизмы-профессионализмы. Для обозначения компонентов литературного языка исследовательница использует термин *фоновые экзотизмы*, под которым подразумевает лексикографически зафиксированы лексемы, которым свойственна относительная

непереводимость. Туристическими экзотизмами, в противоположность первым, чаще всего именуются внелитературные лексические единицы, «поверхностно связанные с этнографической спецификой разных стран, но дающие о них некоторое представление» [Самотик 2010, 161]. Внелитературные экзотические лексемы, согласно выдвигаемому исследователем тезисам, обнаруживаются в устной, разговорной речи представителей данной национальности, проживающих за пределами страны, в рамках художественных текстов (как средство более выразительной характеристики речи персонажей), а также в качестве компонентов терминосистемы. Причём, по нашему мнению, довольно спорно относить экзотизмы-термины к компонентам внелитературного языка. Но мы должны уточнить, что много зависит от такого или другого способа толкования функционально-стилевого расслоения литературного языка и объёма языковых средств выражения, отождествляемых с определёнными функциональными стилями.

Уделяя должное внимание внутренней дифференциации экзотизмов, нам представляется существенным пояснить, что на сегодняшнем этапе развития науки о языке наиболее известна типология, опирающаяся на признак степени освоенности экзотической лексики воспринимающим языком, что остаётся в неразрывной связи с процессом деэкзотизации языка. Стало быть, С.А. Эзериня констатирует существование трёх разрядов экзотических лексем. Согласно выдвинутым исследовательницей установкам, первая группа объединяла бы такие иноязычные слова и выражения, которые «связаны с чужой культурой, чужим бытом» и «реализуют в описываемый хронологический период тенденции вхождения в русский язык в связи с усвоением русской культурой обозначаемой ими реалии или понятия», т.е. такие лексические средства, которые можно бы назвать бывшими экзотизмами или экзотизмами с деэкзотизированным значением [Эзериня 2010, 70]. Вторую группу представляли бы заимствованные лексемы, которые не проявляют тенденции к закреплению в автохтонном языке, не используются в активной речи и преследуют цель воспроизвести национальный колорит на страницах художественной литературы, где их наличие мотивируется авторским замыслом. Третий разряд, в свою очередь, группировал бы иноязычные заимствования, которые воспринимаются в качестве соответствий исконных слов и словосочетаний национального языка, употребление которых вызвано лишь стилистической целью. Именно элементы второй группы, являющиеся актуальными экзотизмами, представляют собой объект нашего научного интереса. Кстати, подобный подход в изучении экзотизмов наметился также в научных трудах Раисы Петровны Абдиной, которая уже придаёт вышеприведённым

языковым явлениям номинации терминологического характера. Исследователь упоминает: условные экзотизмы, собственно экзотизмы и стилистические экзотизмы [Абдина 2013, 102].

Подытоживая наши рассуждения по поводу места экзотизмов в системе иноязычных заимствований, стоит прикоснуться также к теме их освоения принимающим языком. Деэкзотизация языка, под которой понимаются как общее сокращение состава экзотических номинаций в пределах словарного состава данного нативного языка, так и процесс утраты экзотической лексики её культурно-национальной маркированности, является всё чаще затрагиваемым вопросом в рамках исследований, проводимых лингвистами, заинтересованными в выявлении сути феномена языкового заимствования. В настоящем прослеживается тенденция, вскрывающая как главную причину утраты экзотизмом культурного элемента его семантической структуры процесс заимствования членами конкретного социума новых предметов, явлений, понятий, ценностных установок и др. Л.Г. Самотик справедливо замечает: «Передвижение слов из разряда экзотизмов в активное употребление связано с освоением лексического значения русским языком, а явления – русской действительностью» [Самотик 2011, 190]. Таким образом, когда доселе неизвестные (или малоизвестные) культурные реалии материальной или духовной культуры начинают присутствовать в жизни данного народа, внедряются в повседневную жизнь его членов, существенным изменениям начинает подвергаться также их лексикон и до сих пор чуждые системе заимствующего языка экзотизмы лишаются своей необычности, экзотичности. Указанное обстоятельство вполне оправданно может считаться доказательством того, что культурно-национальное своеобразие является категориальным признаком анализируемого нами разряда слов. Более того, данный фактор подтверждает также справедливость тезиса, по которому слова-реалии, подгруппой которых признаются экзотизмы, должны выделяться на денотативной основе [см. Lewicki 2017, 232–240]. Кроме того, многие учёные исходят из предположения, что заимствование иноязычной лексики (также экзотизмов) не представляет собой единичного акта, механического перенесения определённой языковой структуры на другую языковую почву, а выступает как сложный и многоаспектный процесс. Процесс, предполагающий высокую степень развития языка-реципиента, обусловленный и отношением носителей этого языка к родной культуре и к всяким (здесь – вербальным) проявлениям чужости, инородности. Ко всему сказанному следует добавить, что, учитывая разные степени ассимиляции заимствований принимающим языком, первым шагом на пути вхождения экзотической лексемы в систему заимствующего языка

становится, по нашему мнению, семантическая адаптация. Когда же вследствие повторяемости экзотизма обозначаемое им понятие пополняет набор понятий языка-реципиента, происходит и его освоение на уровне грамматики и фонологии, а наконец – и лексическое освоение, при котором экзотические заимствования уже успешно применяются для обозначения культурных явлений заимствующего языка. Что же касается сокращения общего набора экзотизмов в данном языке, этот факт может мотивироваться их передвижением и увеличением количества внелитературных экзотизмов, не фиксированных в толковых словарях литературного языка [Самотик 2011, 191]. Однако, несомненно, важную роль с точки зрения дезэкзотизации языка играют также глобалистские процессы, нацеливающие на устранение межкультурных расхождений и распространение единых культурных образцов, единых культурных реалий, а вследствие того – и сказывающиеся на подвижности состава лексических экзотизмов.

Библиография

- Abdina Raisa Petrovna. 2013. *Klasternyj analiz v issledovanii èkzotizmov hudožestvennyh tekstov*. «Izvestiâ Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogičeskogo Universiteta» № 2: 102–104 [Абдина Раиса Петровна. 2013. *Кластерный анализ в исследовании экзотизмов художественных текстов*. «Известия Волгоградского Государственного Педагогического Университета» № 2: 102–104].
- Alekseeva Irina Sergeevna. 2004. *Vvedenie v perevodovedenie*. Moskva: Izdatel'skij centr «Akademiiâ» [Алексеева Ирина Сергеевна. 2004. *Введение в переводоведение*. Москва: Издательский центр «Академия»].
- Azizova Zemfira Tohidovna. 2015. *Kul'turno-nacional'naâ markirovannost' âzykovykh edinic v romane Andreâ Volosa «Vozvrašenie v Pandždrud»*. «Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta» № 3: 166–169 [Азизова Земфира Тохидовна. 2015. *Культурно-национальная маркированность языковых единиц в романе Андрея Волоса «Возвращение в Пандждруд»*. «Вестник Костромского Государственного Университета» № 3: 166–169].
- Èzerinâ Svetlana Arkad'evna. 2010. *Ob otryženii èkzotizmov v «Slovarè russkogo âzyka XIX veka»*. «Vestnik Omskogo Universiteta» № 1: 69–71 [Эзериня Светлана Аркадьевна. 2010. *Об отражении экзотизмов в «Словаре русского языка XIX века»*. «Вестник Омского Университета» № 1: 69–71].
- Grala-Kowalska Magdalena. 2009. «*Wstêp do teorii tłumaczenia» O. Wojtasiewiczza w dobie globalizacji kulturowej*. В: «50 lat polskiej translatoryki». *Materiały z konferencji naukowej zorganizowanej przez Instytut Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego w Warszawie w dniach 23–25 listopada 2017 r.* Red. Hejwowski K., Szczęśny A., Topczewska U. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego: 151–162.
- Hejwowski Krzysztof. 2006. *Kognitywno-komunikacyjna teoria przekładu*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Kal'nova Ol'ga. 2015. *Novye inoâzyčnye slova v russkom âzyke: funkcional'nyj i metodologičeskij aspekt*. «Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica» № 11: 57–64 [Кальнова Ольга.

2015. *Новые иноязычные слова в русском языке: функциональный и методологический аспекты*. «Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Linguistica Rossica» № 11: 57–64].
- Kapušinskij Ryšard. *Imperator*. (online) <http://www.e-reading.club/book.php?book=1015836> (dostup 19.03.2019) [Капушинский Рышард. *Император*. (online) <http://www.e-reading.club/book.php?book=1015836> (доступ 19.03.2019)].
- Klement'eva Elena Valer'evna. 2014. *Adaptaciã inoãzyčnyh zaimstvovanij v ruskom ãzyke*. «Istoričeskã i Social'no-Obrazovatel'naã Mysl'» № 5: 260–263 [Клементьева Елена Валерьевна. 2014. *Адаптация иноязычных заимствований в русском языке*. «Историческая и Социально-Образовательная Мысль» № 5: 260–263].
- Kozyrev Vladimir Alekseevič, Černãk Valentina Danilovna. 2007. *Svoë i čužoe: zaimstvovannoe slovo v sovremennoj reči*. «Universum: Vestnik Gercenovskogo Universiteta» № 5: 54–59 [Козырев Владимир Алексеевич, Черняк Валентина Даниловна. 2007. *Своё и чужое: заимствованное слово в современной речи*. «Universum: Вестник Герценовского Университета» № 5: 54–59].
- Krysin Leonid Petrovič. 1968. *Inoãzyčnye slova v sovremenom ruskom ãzyke*. Moskva: Izdatel'stvo Nauka [Крысин Леонид Петрович. 1968. *Иноязычные слова в современном русском языке*. Москва: Издательство Наука].
- Kuzina Marina Anatol'evna. 2017. *Èkzotizm v. assimilirovannoe zaimstvovannoe slovo: «čužoe» v. «svoë»*. «Prepodavatel' XXI Vek» № 4: 399–404 [Кузина Марина Анатольевна. 2017. *Экзотизм v. ассимилированное заимствованное слово: «чужое» v. «своё»*. «Преподаватель XXI Век» № 4: 399–404].
- Lewicki Roman. 2017. *Zagãdnienia lingwistyki przekladu*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Naročnaã Elena Borisovna, Ševcova Galina Vasil'evna. 2009. *Inoãzyčnye slova v sovremennoj rossijskoj publicistike*. «ãzyk i Kul'tura» № 6: 84–97 [Нарочная Елена Борисовна, Шевцова Галина Васильевна. 2009. *Иноязычные слова в современной российской публицистике*. «ãзык и Культура» № 6: 84–97].
- Nečãeva Evgeniã Feliksovna. 2009. *Sohranenie nacional'noj identičnosti i problemy perevoda*. «Vestnik Čelãbinskogo Gosudarstvennogo Universiteta» № 7: 113–116 [Нечаева Евгения Феликсовна. 2009. *Сохранение национальной идентичности и проблемы перевода*. «Вестник Челябинского Государственного Университета» № 7: 113–116].
- Samotik Lũdmila Grigor'evna. 2010. *Vneliteraturnye èkzotizmy v ruskom ãzyke: sfery ispol'zovaniã*. «Vestnik Krasnoãrskogo Gosudarstvennogo Pedagogičeskogo Universiteta im. V.P. Astaf'eva» № 2: 160–164 [Самотик Людмила Григорьевна. 2010. *Внелитературные экзотизмы в русском языке: сферы использования*. «Вестник Красноярского Государственного Педагогического Университета им. В.П. Астафьева» № 2: 160–164].
- Samotik Lũdmila Grigor'evna. 2011. *Èkzotizmy russkogo ãzyka*. «Vestnik Tũmenskogo Gosudarstvennogo Universiteta» № 1: 188–193 [Самотик Людмила Григорьевна. 2011. *Экзотизмы русского языка*. «Вестник Тюменского Государственного Университета» № 1: 188–193].
- Tolkovuj perevodovedčeskij slovar'*. 2003. Red. Nelũbin L.L. Moskva: Izdatel'stvo «Nauka» [*Толковый переводоведческий словарь*. 2003. Ред. Нелюбин Л.Л. Москва: Издательство «Наука»].
- Urbank Dorota. 2004. *Pęknięte lustro. Tendencje w teorii i praktyce przekladu na tle myśli humanistycznej*. Warszawa: Wydawnictwo TRIO.
- Valeeva Gul'naz Mudarisovna. 2010. *Èkzotičeskã leksika i eë lingvističeskie vozmožnosti*. «Učënye Zapiski Kazanskogo Universiteta» № 6, t. 152: 116–123 [Валеева Гульназ Мударисовна. 2010. *Экзотическая лексика и её лингвистические возможности*. «Учёные Записки Казанского Университета» № 6, т. 152: 116–123].
- Vlahov Sergej Ivanov, Florin Sider. 1980. *Neperevodimoe v perevode*. Moskva: Izdatel'stvo Meždunarodnye otnošenïã [Влахов Сергей Иванович, Флорин Сидер. 1980. *Непереводимое в переводе*. Москва: Издательство Международные отношения].

Voronkova Irina Sergeevna. 2006. *O ponâtiâh «èkzotizmu» i «varvarizmu»*. «Vestnik Voronežskogo Gosudarstvennogo Universiteta» № 2: 77–79 [Воронкова Ирина Сергеевна. 2006. *О понятиях «экзотизмы» и «варваризмы»*. «Вестник Воронежского Государственного Университета» № 2: 77–79].

Wojtasiewicz Olgierd. 2007. *Wstęp do teorii tłumaczenia*. Warszawa: Wydawnictwo Translegis.

Summary

Exoticisms as a particular category of loan words

This article is aimed at establishing the place of exoticisms against the spectrum of other loan words. The article considers increased language and cultural contacts, intensified in recent years. Additionally, there is a focus on the typology of loan words, taking into account their degree of assimilation to the rules of the recipient language. Exoticisms are defined as unassimilated loan words, whose main aim is to re-create various national features and name unknown cultural phenomena. The domination of cultural traits in the semantic structure of exoticisms (which constitutes the hallmark of this lexical group) is the basis of the proposed relation between the analysed loan words and the so-called word-realities. Moreover, stress is put on the particular spheres of life in which exoticisms are used, as well as on their inner differentiation, connected with the nativisation processes affecting the language.

Key words: loan word, exoticism, linguistic assimilation, indigenous cultural phenomena, nativisation process

